

Хотя он и беспокоился о ранах Цуй Се, но остановиться на ночлег в столице не смел. Он боялся, что о попытке подлечить раны на постоялом дворе прознают те, кто из кожи вон лез, лишь бы выслужиться перед госпожой, и донесут Цуй Цюэ, приукрасив подробности, что ещё сильнее испортит отношения отца и сына. К счастью, казённый тракт в столице и её окрестностях был ровным, и даже на высокой скорости экипаж почти не трясло. Поэтому он погнал лошадей прочь из столицы и уже к обеду въехал в Тунчжоу.

Не слишком хорошо зная город, он расспросил пару прохожих у ворот и двинулся прямо по главной улице к постоялому двору.

Этот постоялый двор представлял собой двухэтажный терем: снаружи резные карнизы, расписная кирпичная кладка — постройка выглядела чрезвычайно изысканно, но в главном зале почему-то царило запустение.

Когда Цуй Юань с сыном подвели повозку к дверям, они увидели, что постояльцы внутри сидят тише воды, ниже травы, и даже не прикасаются к еде. А у входа стояли несколько дюжих мужчин в простых одеждах и головных повязках. Свиные, с хищными, орлиными взглядами, они пристально следили за прохожими, вынуждая тех обходить постоялый двор по другой стороне дороги.

Рядом с этими крепышами сжались и съёжились несколько человек в одежде трактирных слуг. Не понимая, что происходит, Цуй Юань остановил повозку и издали окликнул их:

— Братец трактирщик, ваш постоялый двор сегодня принимает гостей? Нашему молодому хозяину срочно нужен ночлег. Если нельзя, мы поедem в другое место.

Слуги не смели вымолвить ни слова, но один из стоящих у дверей верзил смерил его взглядом и глухо произнёс:

— Говоришь ты на столичном наречии весьма чисто, да и по одежде похож на слугу столичного чиновника. Кто твой хозяин? И если в экипаже твой молодой господин, почему колея от колёс такая глубокая, будто повозка доверху гружена товаром?

Пока он допрашивал, со второго этажа постоялого двора донёсся грохот, будто кто-то швырял столы, а также крики, но из-за закрытых окон ничего не было видно.

Цуй Юань чувствовал, что дело нечисто, и уже пожалел, что послушал чужого совета и приехал сюда. Он встряхнул вожжи и сказал:

— Раз у вас нельзя остановиться, мы просто уедем, к чему допрашивать нас, как воров? Наш молодой господин — почтенный дворянский сын, с какой стати вы допрашиваете его на улице?

В душе он досадовал, но навлекать на себя неприятности не хотел, а потому собрался развернуть лошадь и продолжить путь. Однако дюжий мужчина переглянулся со спутниками, перегородил дорогу и ровно проговорил:

— Цзиньвэй ведут здесь расследование. Вы сами наткнулись на нас, да и поведение ваше подозрительно, так что, пока всё не прояснится, вы отсюда не уедете.

Он подошёл к повозке, приподнял полы одежды и продемонстрировал им узкий «вышитый весенний клинок», качнув им перед лицом отца и сына.

Цуй Юань не раз видел в столице, как Цзиньвэй обыскивают дома, поэтому тут же побледнел

и дрожащим голосом пролепетал:

— Господин, наш молодой господин — старший сын Цуй Цюэ, казначея отдела Юньнань в Министерстве финансов. Мы сегодня впервые отправились в путь, направляемся на родину в Цяньань и везём много багажа, оттого и колея глубокая! Мы не имеем никакого отношения к злодеям, которых ищет почтенный господин!

Верзила задумчиво переспросил:

— Сын Цуй Цюэ, казначея Министерства финансов? Подорожная грамота при себе есть?

Цуй Юань тут же достал из рукава подорожную, а из-за пазухи вынул слиток серебра и попытался сунуть ему всё вместе. Стражник Цзиньвэй серебро не взял, а взглянув на документ, вернул его и взмахнул рукой:

— Считайте, вам не повезло. Вы наткнулись на нашего цяньху Се, исполняющего поручение. Пока еретики не схвачены, я не могу вас отпустить. Пойдите здесь и подождите.

Цуй Юань мысленно взмолился о пощаде и стал умолять:

— Наш молодой господин ранен! В такую жару душно в повозке, если раны воспалятся, это же верная смерть!

Стражник Цзиньвэй удивился:

— Кого же это успел обидеть ваш молодой господин, что ему приходится с ранами бежать в родные края? Не слыхал я, чтобы в последние дни кто-то из знати или высших чиновников с кем-то враждовал.

Слуги семьи Цуй смутились и залились краской: не могли же они признаться, что их хозяин так потакает новой жене и младшему сыну, что избил до полусмерти своего старшего законного наследника. Стражник Цзиньвэй допытываться не стал и приказал двоим подчинённым осмотреть экипаж сзади.

Двое Цзиньвэй обогнули повозку, постучали в дверцу кареты и вежливо окликнули:

— Внутри старший молодой господин Цуй? Попросим вас показаться, нам нужно проверить содержимое экипажа.

Дверца отворилась изнутри, за край створа ухватились пять бледных тонких пальцев, а затем показалось болезненное лицо. Оно было таким же бледным, как и рука, но щёки пылали болезненным румянцем. Хотя карета и рукава скрывали большую часть тела, открывшийся взор тонких бровей и ярких глаз вспыхнул словно живой огонёк, мгновенно озарив всё вокруг.

Глаза юноши были налиты кровью, кончик носа слегка покраснел. Он с улыбкой посмотрел на двух стражников Цзиньвэй сквозь лёгкую пелену слёз и присипел:

— Простите... Я просидел скрючившись весь путь, ноги затекли. Подождите немного, я сейчас выйду.

Глядя на его болезненный и хрупкий вид, стражники почувствовали, что их прежние подозрения в его причастности к разбойникам были чуть ли не святотатством, и мягко ответили:

— Ничего страшного. Молодой господин Цуй, раз вы ранены, не перенапрягайтесь. Мы поможем вам спуститься.

С этими словами они распахнули дверцу и бережно подхватили его под руки.

Цуй Се ехал в душной карете всю дорогу. Хотя сам он всё это время погружённо читал книги в уме и не замечал неудобств, мышцы его ног окончательно затекли и потеряли чувствительность. Лишь когда его окликнули, он осознал, что ноги совсем не держат тело: их одолело онемение и боль, и едва ступни коснулись земли, как он чуть не рухнул на колени.

К счастью, двое стражников вовремя поддержали его. Опершись на корпус экипажа, он с трудом пересиливал онемение. Стражникам Цзиньивэй ещё требовалось проверить вещи, но, видя, как он еле держится на ногах, они сами предложили:

— Молодой господин Цуй, вам незачем здесь стоять. Пусть слуга отведёт вас в постоянный двор отдохнуть, а когда наш господин цяньху схватит еретиков, решим, как быть дальше.

Цуй Се сложил руки в благодарном жесте и, держась за повозку, медленно пошёл вперёд. Пэн Янь спешно прыгнул с повозки, чтобы поддержать хозяина, одновременно вытащив бумажный свёрток, переданный отцом, и попытался незаметно всунуть его обоим стражникам.

Но стражники не приняли дара и с горькой ухмылкой сказали:

— У цяньху Се суровые правила. За эти пару лянов серебра даже кувшина доброго вина не купишь, а вот наказание потом отбывать придётся. Не стоит оно того. Лучше заботливо води своего молодого хозяина внутрь.

Цуй Се поблагодарил их за труды и, опираясь на Пэн Яня, пошёл дальше. Едва они приблизились к передней части повозки, как со второго этажа постоянного двора раздался грохот, и выходящая на улицу оконная рама с треском вылетела наружу.

Оба от неожиданности замерли: падающие сверху обломки заставили их остановить шаг. Взглянув вверх, они увидели, как вслед за окном выпрыгнул поджарый мужчина лет сорока. Он легко приземлился на землю с японским мечом в правой руке, оттолкнулся носком сапога и рванул прямо к господину и слуге. Человек в сине-зелёном одеянии еса выскочил за ним к окну, облокотился о раму, махнул рукой тем, кто остался позади, и тоже прыгнул вниз.

Пэн Янь закричал от испуга. У Цуй Се возникло сюрреалистичное ощущение, будто он попал в исторический уся-сериал. Он ошеломлённо смотрел на них и опомнился лишь тогда, когда выскочивший мужчина почти добежал до них, на автопилоте оттолкнув Пэн Яня в сторону.

Тот даже не взглянул на Пэн Яня: он приставил длинный меч к шее Цуй Се, развернулся и крепко захватил его шею правой рукой.

Цуй Се вцепился в сдавившую его руку и попытался оттащить её, но похититель перевернул рукоять меча и больно ударил его по ключице, приказывая не дёргаться. Пэн Янь, упав на землю и увидев, что хозяину досталось, с плачем закричал: «Молодой господин!», рвась к нему на помощь, а Цуй Юань бросился с передка кареты и упал на колени перед стражниками Цзиньивэй, моля их о спасении.

Стражники Цзиньивэй, переодетые празднующими горожанами, уже обнажили клинки и, направляя их на налётчика, медленно наступали. Однако они не решались атаковать напрямую, помня о том, что в заложниках оказался сын казначея Министерства финансов.

Мужчина в зелёно-синих одеждах, спрыгнувший со второго этажа, остановился в десяти шагах от них. Держа в руке «вышитый весенний клинок», он с холодным спокойствием обратился к похитителю:

— Патриарх Сюй, Четыре Небесных Владыки вашего Учения Белого Лотоса уже схвачены. Всадники в красном из Цзиньивэй прямо сейчас обыскивают пристань, где вы прятались. Куда ещё ты надеешься сбежать?

Учение Белого Лотоса! Тот самый знаменитый еретический культ, поднимавший восстания при каждой династии и подрывавший любой строй!

Цуй Се не удержался и с трудом повернул голову, бросив взгляд на патриарха Сюя. Лицо патриарха Сюя исказила лютая злоба. Правой рукой он до боли сжал его шею и прошипел над самым ухом:

— Я хочу только унести отсюда ноги и не жажду греха на душу. Ты ведь сын большого чиновника, так? Если хочешь жить, прикажи этим Цзиньивэй освободить дорогу, сядешь со мной в повозку и довезёшь меня!

Стражник Цзиньивэй, что ранее остановил повозку, тут же выступил вперёд и доложил:

— Господин цяньху, это сын Цуй Цюэ, казначея отдела Юньнань в Министерстве финансов. Он направлялся из столицы в Цяньнань и случайно наткнулся на нашу службу, поэтому подчинённый задержал их.

<http://bllate.org/book/18372/1761233>